

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТА ТИГРА РУССКИМ ЭМИГРАНТОМ И ЭТНОГРАФОМ Н.А. БАЙКОВЫМ В КИТАЕ И МАНЬЧЖУРИИ (НА ОСНОВЕ КНИГИ «ВЕЛИКИЙ ВАН»)¹

К.И. Родионова

В мифологии Китая большую роль играют различные животные культы, среди которых главенствующим до сих пор является почитание дракона и тигра. В Китае культовым мифологическим существом, безусловно, можно считать дракона. Но на исторической территории Маньчжурии образ дракона был вытиснен таежным хищником – тигром. Северо-Восток Китая является естественной средой обитания тигра, поэтому его культ здесь стал преобладающим. Культ тигра наиболее распространен в Китае, Корее, Японии и Монголии. Одними из первых ученых, заинтересовавшихся «тигровой верой» были русские этнографы, среди которых можно упомянуть Николая Аполлоновича Байкова. Но если его этнографические труды широко известны российской этнографии, то его литературные произведения как источник для рассмотрения мифоритуального комплекса народов Дальнего Востока, практически не рассматривались.

Николай Аполлонович Байков (1872–1958) – писатель и натуралист. Получив перевод в 1901 году в Заамурский округ пограничной стражи Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), он решил посвятить себя изучению Маньчжурии. С 1910 по 1914 командовал ротой 5-го Заамурского полка, названной «тигровой»². В это время его и начала увлекать «тигриная тематика». Тигр для рабочих концессий и линейных служащих едва ли не самая большая опасность, по словам Байкова. Писатель считал тигров намного опаснее хунхузов, которые, в свою очередь, также представляли большую опасность для рабочих. Сам Николай Аполлонович был очень известным охотником. Командуя ротой, он обучил подчиненных ходить на «царя» маньчжурской тайги в одиночку. За это мужество командира и солдат, роту и прозвали «тигровой». В этот же период Н.А. Байков убил двух крупных тигров³. Практически с самого начала своего пребывания в Маньчжурии Байков начинает писать этнографические очерки, такие как «Звероловство в Маньчжурии» (1903), «В Маньчжурии» (1904), «Фауна и флора» (1905), «Охота у горы Маоэршань» (1907), «По

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 14-18-00308 «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)».

² Шелохаев В.В. Байков // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. М.: Росспэн, 1997. С. 247.

³ Холодов А. В. борьбе с хунхузами и тиграми. // Рубеж. 1938. № 24. С. 15-16.

тигровым следам» (1907), «Змеи и их приручение» (1911), «Маньчжурский тигр» (1925), «Женьшень» (1926), «Медведи Дальнего Востока» (1928) и др.¹. Однако, чуть позже начинают появляться и его литературные труды.

Можно заметить, что научная этнография ученого и его художественное восприятие мифологии дальневосточных народов, начинают соперничать между собой. Так, этнографические заметки Байкова трансформируются в художественные произведения. К примеру, очерк «Корень жизни женьшень» (1926) переходит в повествование «В дебрях Маньчжурии» (1934), а «Маньчжурский тигр» (1925), «Тигры на Дальнем Востоке» (1927), «Охота на тигра» (1927) переплавляются в «Великого Вана» (1936) и т.д.².

Здесь же можно сказать и о художественной этнографии автора. «Под художественной этнографией понимается результат художественного освоения автором культурных, религиозных, психологических установок, нравственно-этических норм, особенностей обустройства быта представителей определенного этноса, населяющих определенные географические пространства»³. Автор собирает этнографический материал, при этом начинает художественно осмыслять этнографические данные и переплавляет их в литературные произведения.

Мифологический образ тигра у писателя появляется и в его более ранних литературных произведениях. Но центральным образ «царя тайги» становится в повести «Великий Ван». Проживая в Маньчжурии, автор впитал в себя многие мифологемы китайского и маньчжурского народов и описал их в своем произведении. В его произведениях ярко выделяется «фронтирная мифология».

«Понятие “фронтирная мифология” определяет систему мифологических представлений носителей фронтирной ментальности»⁴. Под фронтирной ментальностью понимается «духовная формация, выражающая идейно-психологические особенности индивидов и групп, существующих в условиях порубежья»⁵. Таким образом, тигриная мифология становится

¹ Забияко А.А. «Фронтирная мифология» в художественной рефлексии дальневосточных писателей (20–30 гг. XX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Вып. 9. Благовещенск, 2010. С. 119–140.

² Забияко А.А. «Фронтирная мифология» в художественной рефлексии дальневосточных писателей (20–30 гг. XX в.). Указ. изд.

³ Забияко А.П., Кобызов Р.А., Аниховский С.Э., Воронкова Е.А., Забияко А.А. Эвенки Приамурья: Оленяя тропа истории и культуры (монография). Благовещенск, 2012. С. 270–275.

⁴ Забияко А.А. «Фронтирная мифология» в художественной рефлексии дальневосточных писателей (20–30 гг. XX в.). Указ. изд.

⁵ Под фронтирной ментальностью понимается «духовная формация, выражающая идейно-психологические особенности индивидов и групп, существующих в условиях порубежья».

не только китайской и маньчжурской, но и, в общем, дальневосточной, «фронтирной мифологией». Этому хищнику, внушающему любому человеку трепет перед его силой, посвящено множество произведений писателей, проживавших в Китае, в том числе и произведение «Великий Ван» Н.А. Байкова.

В мифопоэтических представлениях китайцев тигр часто выступает как царь зверей и хозяин леса¹. Подобные представления в полной мере реализованы в повествовании Байкова. Великий Ван – не только владыка Шу-Хая, но и повелитель всех гор и лесов. Сюжетом повести является история тигра Великого Вана. В этом произведении Байков пытается показать иное понимание идеалов, которое существует в китайских мифах и легендах. При этом он описывает черты и маньчжурского, и китайского тигриного культа, которые имеют во многом схожие черты. В «Великом Ване» они представлены неразделимо. По сюжету повести происхождение главного героя – тигра – идет от его матери и отца – корейского тигра. Вот как описывает автор отца Великого Вана: «Среди этих хищников особенно выделялся своей величиной один старый самец, богатырь по сложению, чрезвычайно грузный и массивный. На широком лбу его и на затылке обозначены были иероглифы “Ван” и “Да”, то есть “великий князь”»². Эти иероглифы не случайны, известно, что китайцы до сих пор связывают расположение полос на тигрином теле с предзнаменованием. Это не просто полосы – это иероглифы, указывающие на божественную природу тигра. С древности, китайцы видели в трех полосках на лбу тигра иероглиф – знак «Ван» – могущественный владыка³.

Эти иероглифы и дают имя тигру. Иероглиф 王 (Wang), имеющий значение – король, князь, царь, появляется и на лбу новоиспеченного Вана, сына корейского тигра. А иероглиф 大 (Da) – большой, огромный, великий, важный, вырисовывается на затылке тигра: «Вес самки достигал уже восьмидесяти килограммов, а самец весил более и поражал развитием головы и передних конечностей; на его широком плоском лбу ясно вырисовывались очертания иероглифа “Ван”, а на затылке, где развивалась будущая пышная грива, обозначились уже признаки другого иероглифа “Да” – Великий»⁴.

См.: *Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А.* Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2009. С. 10.

¹ *Топоров В.Н.* Тигр // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1988. С. 982.

² *Байков Н.А.* Великий Ван. Соната над Хинганом. Литература русских эмигрантов в Китае. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. С. 32.

³ *Кречман М.М.* Полосатая кошка, пятнистая кошка. Владивосток, 2008. С. 188.

⁴ *Байков Н.А.* Великий Ван. Соната над Хинганом. Литература русских эмигрантов в Китае. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. С. 35–36.

И хотя сам Байков говорит лишь об отце Великого Вана, но он не забывает подчеркнуть, что местные охотники знают предков Вана до третьего колена и считали что отцу Вана более полусотни лет. С гибелью тигра-отца связан еще один китайский культ, а именно почитание священных мест.

«Священные места это различные возвышенности и хребты (шеи и хвосты Дракона), водоемы (“Озеро чудовищ”), могущественные деревья (“Господин Леса”), участки произрастания женьшеня – те особые локусы таежного пространства, где наиболее вероятно проявление лесного и горного Духа»¹. В повести «Великий Ван» священно всё пространство маньчжурской тайги, в особенности Шу-Хай – той местности маньчжурской тайги, в которой разворачивается сюжет повести. Он наделяется не только священным статусом, но и покровителем – Великим Ваном, который повелевает пустынными горами и дремучими лесами Шу-Хая. В описании смерти отца Вана – корейского тигра, локус священности выходит за пределы Шу-Хая, но при этом выделяются и другие сакральные места для китайцев – это горы, пещеры, вулканы, а также воды (озера и реки). В одной из первых глав, Байков пишет: «Отец его, великолепный корейский тигр, умер от старости на вершине священной горы Бай-Тоу-Шань (по-корейски Пак-Ту-Сан), в пещере Великого Духа Дракона. Смерть его ознаменовалась землетрясением, так как Великий Дракон, спящий в недрах горы, ворочался в своем каменном ложе, и горячее дыхание его в виде серных паров и ядовитых газов, вырывалось из глубоких трещин у самой вершины. Небесное же озеро, покоящееся в кратере вулкана, кипело и волновалось, посылая свои животворящие священные воды в Сунгари, в реку Желтого Лотоса»².

Из этого описания видно, какую важную часть мировоззрения китайцев составлял культ тигра и дракона, укоренившийся в сознании народа настолько, что вошел в обиход повседневной жизни. Очертания гористой местности Китая, которая занимает большую часть территории страны, вызывали у китайцев религиозный трепет, порождая мифические образы и фантазии. Так, большинство гор Китая имеют свою мифологическую историю, обычно связанную либо с образом спящего дракона, либо с образом тигра.

И если со смертью корейского Вана автор отходит к корейскому вулкану Пэктусан или Байтоушань, наделяя его сакральным образом дракона, то тут же возвращается к территории Китая и Маньчжурии, к глав-

¹ *Забияко А.А.* Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов // *Религиоведение*. 2011. Вып. 2. С. 154–169.

² *Байков Н.А.* Великий Ван. Соната над Хинганом. Литература русских эмигрантов в Китае. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. С. 33.

ной священной реке Маньчжурии – Сунгари, которую китайцы называют рекой Желтого лотоса. Более того, несмотря на происхождение, Великий Ван является китайским тигром, и, прожив всю свою жизнь в Маньчжурии, он также находит здесь свое последнее пристанище: «Предание тайги говорит, что горный Дух, Великий Ван, заснул глубоким сном на вершине древнего Лао-Э-Лина»¹. Отсюда видно, что горы и хребты напоминали не только изгибы драконьей чешуи, но и спину уснувшего навсегда Великого тигра, что можно увидеть на примере маньчжурского хребта Лаоэлина.

У Н.А. Байкова тигр имеет антропоморфные черты. На протяжении повести Ван как воплощение Горного Духа мыслит, строит логические умозаключения, напевает про себя колыбельную матери, видит страшные сны и чует недоброе со стороны людей.

Интересна теория воплощения Горного духа в животном теле тигра и в цветке лотоса, которую описывает Байков. Великий Горный дух, по преданию китайцев, не только обитатель тайги, в первую очередь он владыка лесов и гор. И именно тигр Великий Ван становится его воплощением в тайге Шу-Хая. Н.А. Байковым описываются и ритуалы поклонения Горному Духу. Среди которых наиболее часто встречаются моления Великому Духу у кумирен и возжигание благовонных курительных свечей.

Что собой представляли китайские кумирни? Их возводили в селеньях, в Маньчжурии они стояли посреди тайги, но были и домашние кумирни, стоявшие у каждого верующего китайца. Кумирня – это молельня, на которой находился идол или же был изображен кумир. Кумирни не отличались большими размерами, на них находился алтарь, куда клались благовонные свечи в жертву Горному Духу. Байков в повести упоминает различные кумирни, это и домашние кумирни и кумирни в тайге, всего же в произведении «Великий Ван» говорится о семи кумирнях. Говоря о кумирнях Шу-Хая, нужно упомянуть, что именно изображения Великого Вана сопровождали многочисленные возведенные в тайге алтари кумирен, помимо изображений на кумирнях были начертаны надписи, призывающие совершить перед кумирней моление Горному Духу - Великому Вану: «Звероловы, хунхузы, дровосеки и искатели женьшеня считали его (тигра) воплощением Горного Духа и строили в честь его кумирни на горных перевалах Лао-Э-Лина.

Изображения его, нарисованные на тонкой бумаге, украшали эти кумирни; перед ними часто жгли благовонные курительные свечи, и колокол молитвы гудел под сводами дремучих лесов.

На особых дощечках у этих кумирен одинокие путники читали надписи, гласящие следующее: «Путник! Остановись и зажги свечу мо-

¹ Байков Н.А. Великий Ван. Соната над Хинганом. Литература русских эмигрантов в Китае. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. С. 136.

литвы! Если ты чист душою и сердцем, – не бойся и продолжай свой путь. Великий Дух этих гор и лесов охранит тебя от бед и несчастий!»¹.

И если изображениями тигра часто сопровождалась кумирня, то произносить слово «тигр» китайцы, жившие в тайге, особенно опасались, боясь навлечь этим на себя гнев Великого Горного Духа. Вместо слова «тигр» обычно произносилось местоимение «он», либо имя «Да-Лао-Цзы»². «Да-Лао-Цзы» или по-китайски 大老子 означает Великий старик, Великий старец. Звание Великий старец использовалось наравне со званием Великий Ван и означало воплощенного в теле тигра Горного Духа.

Обряд у алтаря включал обычно коленопреклоненные молитвы верующего, если кумирня находилась дома или в селении китаец ударял специальной палочкой несколько раз (чаще всего три раза) по чугунному колоколу, находящемуся у алтаря. Если же кумирня была лесной, то человек мог заменить удар в колокол простыми ударами палкой по коре дерева. Неизменным «домашним» обрядом почитания Горного Духа было использование благовонных свечей. Обрядов поклонения тигру – Великому Духу было несколько, «самый элементарный, из которых состоял в возжигании перед идолом (статуей или изображением) связки курительных палочек или свечей (две пары по две штуки)»³. Свечи использовались как жертва Духу гор и лесов и ставились на алтарь. Этими обрядами охотники, дровосеки и хунхузы пытались задобрить Властелина тайги – тигра.

Охотники при встрече с Великим Ваном уступали ему дорогу и, отойдя подальше от тропы, по которой ступал тигр, вставали на колени и молились Великому Горному Духу. Среди всех охотников автор повести выделяет старика Тун-Ли – самого мудрого охотника и собирателя женьшеня Шу-Хая. Тун-Ли знает все таежные травы и их целебные свойства, в этом мы можем увидеть и особенность китайцев, которые осведомлены о полезных свойствах практически всех растущих в Китае растений. Старец также знает все закоулки родной тайги, он может врачевать и стоит во главе таежного суда, хотя роль самого судьи исполняет Ван. Фигуру Тун-Ли, безусловно, заслоняет образ главного героя – Вана, но Тун-ли автор отвел важную роль человека с глубокими ценностями, с душевной гармонией и равновесием. Впервые мы видим силу Великого старика, когда он первый раз встречается Великого Вана. Возвращаясь домой по тропе, охотник видит перед собой огромных размеров тигра и понимает, что, убежав, покажет свою слабость, которой «повелитель тайги» непременно воспользуется, поэтому Тун-Ли решает идти вдоль тропинки прямо на Великого

¹ Байков Н.А. Великий Ван. Указ. изд. С. 65.

² Байков Н.А. Великий Ван. Соната над Хинганом. Литература русских эмигрантов в Китае. Указ. изд.

³ Королев К.М. Китайская мифология. Энциклопедия. М., 2007. С. 49.

Вана и смотреть ему в глаза. Подойдя вплотную к хищнику, Тун-Ли не сворачивает и Вану ничего не остается, как пропустить смелого старика и сойти с тропинки. С этого момента в жизни тигра появляется существо, единственное в своем роде, это не просто человек, не просто охотник, каких Ван уже встречал, это старик с могучей волей и сильным характером, заслуживающий уважение могущественного тигра. «Через взаимоотношения Вана и охотника Туна, понимающего “душу” зверя, Байков пытался проверить свою сокровенную мысль о мировой гармонии»¹. Старца уважает весь Шу-Хай – не только звери, которые «ставят его в пример», но и охотники, почитающие его мудрость. «Молодые звероловы и охотники не только уважали и чтили Великого старика, но и боялись взгляда его строгих немигающих глаз. Они были уверены, что взглядом этим можно умертвить человека. Сам Великий Ван, воплощение Горного Духа, по словам тех же охотников, ежегодно в одну из “звериных ночей”, приходит к фанзе Тун-Ли и ведет со стариком беседы»². Тун-Ли чтит «закон тайги» и приговаривает к смерти молодого охотника Сун-Фа за украденные шкурки животных. На месте гибели Сун-Фа Великий старец сооружает алтарь. Он слышит крики таинственной птицы Цяор, и понимает, что это душа погибшего: «Это не птица, подумал старый зверолов, это бедная душа Сун-Фа, она летает по лесам и криком своим привлекает одиноких путников в глубину тайги, к Великому Вану. Она зовет брата своего, заблудившегося в горах Шу-Хая в поисках драгоценного корня жизни»³. О птице Цяор в этнографических очерках и других источниках практически полностью отсутствуют данные. Можно лишь с точностью сказать, что между учеными и краеведами в свое время велись споры об ее реальном существовании: «Местные краеведы постоянно отыскивали что-то новое – то развалины старинного монастыря, то таинственную птицу Цяор, о которой спорили ученые, то жука каллиногора»⁴.

В конце повести старик (в рассказах охотников) становится мифическим персонажем, которому уступает дорогу Великий Ван и который приручает змей, в том числе, ядовитых. Тун-Ли становится героем «фронтирной мифологии», человеком тайги, мудрым старцем, знающим все тайны этих загадочных лесов. Он также почитает предков. В доме Тун-Ли живет больная старая змея, которой около двухсот лет и которая, по рассказам охотников, является предком старика. Великий старец почитает змею, считая ее своим умершим родственником – в этом также заключен китай-

¹ Шелухаев В.В. Байков // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. М., 1997. С. 248

² Байков Н.А. Великий Ван. Соната над Хинганом. Литература русских эмигрантов в Китае. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. С. 108.

³ Байков Н.А. Великий Ван. Соната над Хинганом. Указ. изд. С. 108.

⁴ Таскина Е. Неизвестный Харбин. М., 1994. С. 152.

ский культ предков. Тун-Ли присматривает за змеей, заботится, и когда она умирает, он сжигает ее и развеивает пепел по ветру. По его мнению, смерть змеи ознаменовала конец лесам Шу-Хая. Но не только Тун-Ли почитает предков, сила китайского культа волей автора движет и ощущениями тигра: «Голоса далеких предков говорили ему о том же и требовали крови, горячей крови»¹. Такой чертой автор наделяет лишь одного хищника Шу-Хая, главного героя – Великого Вана, еще раз указывая на его внеземную сущность.

Нужно упомянуть и то, что Байков в повести не только превозносит мудрость старца, но и акцентирует внимание читателя на проблеме уничтожения того, что так дорого Тун-Ли, а именно – гармонии тайги. Он, безусловно, считает строительство КВЖД огромной трагедией для маньчжурской тайги, в чем убеждается читатель, прочтя последние строки повести и увидев начало гибели прекрасного Шу-Хая, которая начинается с началом строительства железной дороги и смерти Великого Вана. На протяжении всей повести Байков упоминает молитву Горному Духу: «Я пришел издалека! Сердце мое открыто! Воля Горного Духа должна быть исполнена!»² и читатель начинает слышать звук чугунного колокола, доносящегося из китайского селения. Так автор показал читателю мир маньчжурских охотников, хунхузов, дровосеков, собирателей женьшеня, а также мир мифических лесных духов и таежных обитателей, повелителем которых является дальневосточный тигр – Великий Ван. Образ огромного тигра и его культ в Китае занимал немаловажное место в жизни китайского народа, увлекаая и иностранцев, в том числе, русских писателей, эмигрировавших в Маньчжурию. Но именно Николай Аполлонович Байков в ряде своих произведений, в одной из глав которых стоит повесть «Великий Ван», в полной мере раскрыл культ этого таежного хищника. Именно после работ Н.А. Байкова китайский тигриный культ становится одним из важнейших элементов «фронтирной мифологии», запечатленной и развиваемой позднее в произведениях дальневосточных писателей-эмигрантов.

¹ Байков Н.А. Великий Ван. Соната над Хинганом. Литература русских эмигрантов в Китае. Указ. изд. С. 117.

² Байков Н.А. Великий Ван. Соната над Хинганом. Указ. изд. С. 117.